

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XX

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

М. Ф. Чигринский

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ АБОРИГЕНОВ ТАЙВАНЯ

(По свидетельствам миссионеров)

Пинпу или шуфань (варвары равнины, цивилизованные варвары) — собирательное название группы гаошаньских племен, обитающих в равнинных районах о-ва Тайвань. К ним относятся кетагаланы, каваланы, таокас, пазехе, бабуса, сао (тхао), папора, макатао, хоана (хоаней), сирайя [19, с. 128]. В отличие от гаошаньских племен, проживающих в горных районах Тайваня и сохранивших долгое время свою первобытную культуру, они почти полностью ассимилированы китайцами. В 1662 г. пинпу подчинились Китаю [15, с. 260]. Цинское правительство стремилось покончить с остатками голландского влияния на Тайване, а также ликвидировать язык и обычаи аборигенов, китаизировать их. На Тайване была создана сеть школ, в которых учителя-китайцы обучали туземцев китайскому языку, насаждали китайскую культуру. Китаизация проходила успешно, и официальный цинский источник отмечал, что пинпу «постепенно окунаются в умение писать стихи, письма, исполнять церемонии и китайскую музыку» [10, с. 35а]. Между китайцами и пинпу часто заключались браки. Туземцы носили китайскую одежду, использовали китайскую утварь [11; 17, с. 18а]. Китайский язык получил настолько широкое распространение среди пинпу, что родной был ими почти полностью забыт к первой четверти XX в. [17, с. 250]. Это затрудняет ретроспективное рассмотрение обычаев и обрядов пинпу, их религии.

По китайским материалам почти невозможно составить представления о религии пинпу. Только «Суйшу» (суйская хроника VII в. н. э.) дает о ней сравнительно подробную информацию [12, с. 2569—2570; 13, с. 481].

На основе данных «Суйшу» видно, что у коренных жителей Тайваня существовали анимистические верования и культ предков. По характеру татуировки, символам власти и убранству помещений можно предположительно говорить о существовании тотемизма.

Широкое распространение получил каннибализм¹. По-види-

¹ Вероятно, потому Тайвань был известен жителям архипелага Рюкю как Остров каннибалов, или Остров гигантов-людоедов [26, с. 224].

мому, определенные религиозные представления были связаны с плацентой. Женщина после рождения ребенка съедала послед. Неизвестно, однако, считали ли островитяне, как, например, тораджи, что плацента имеет особую душу, или нет [7, с. 71—73]. Погребальные обряды отличались разнообразием. Имели место воздушное погребение, эндоканнибализм, зарывание в землю [8, с. 202]. Таковы данные из «Суйшу».

Другие китайские династийные истории не дают никаких сведений о религии аборигенов Тайваня.

Поэтому свидетельства европейцев, в частности появившихся в начале XVII в. на острове голландцев, представляют несомненный интерес. Особенную ценность являют собой отчеты двух миссионеров — голландца Г. Кандидиуса (1597—1647) и шотландца Д. Райта (даты жизни неизвестны). По роду своей деятельности миссионеры уделяли большое внимание религии островитян. Они изучили язык туземцев и сумели узнать об их жизни больше, чем представители колониальной администрации или капитаны голландских кораблей. Однако к свидетельствам миссионеров приходится подходить с осторожностью, так как Г. Кандидиус и Д. Райт смотрели на местных жителей как на «язычников», а их религию рассматривали как сплошную цепь «дикарских заблуждений и суеверий». Воссоздать подлинную картину религиозной жизни пинпу трудно, потому что миссионеры, исходя из сложившихся христианских представлений, смешивали самые разнородные явления, неверно их понимали и истолковывали. Духи предков, духи-хозяева, тотемы, божества для них только боги. В некоторых обрядах и религиозных праздниках Г. Кандидиус и Д. Райт увидели аналогии с древней Грецией и древним Римом, что также снижает ценность их сведений. Вместе с тем нельзя недооценивать данных таких осведомленных очевидцев, тем более что эти данные во многом совпадают. Кроме того, они подтверждаются сведениями других миссионеров, исследователей, путешественников, китайских источников [9, с. 30—31; 11, с. 136—14а; 15, с. 26а; 16, с. 10—20; 25, с. 266—275; 31, с. 11—15]. Отчеты Г. Кандидиуса и Д. Райта целиком или в отрывках публиковались на голландском, немецком, французском и английском языках. На них ссылаются китайские и японские авторы [9, с. 30—31; 16, с. 28—30; 21, с. 17; 22, с. 1—25; 23, с. 15; 27, с. 210—276; 33, с. 410].

Записки Г. Кандидиуса — результат его наблюдений за жизнью племени сирай в деревне Суоланг, где он проповедовал христианство в 1627—1631 гг. Д. Райт побывал на Тайване четыре года спустя. Описания Д. Райта более разнообразны и касаются жизни всех известных ему племен. Судя по материалам, приводимым Г. Кандидиусом и Д. Райтом, религиозные взгляды пинпу представляли собой сочетание различных элементов анимизма и политеизма. Для пинпу, как вообще для

анимистов, окружающий мир был полон духов. Между отдельными предметами и явлениями, в их представлении, существовали мистические связи [1, с. 87]. Поэтому среди аборигенов большое распространение получили мантика, онейромантика, магия, обряды инициации, жертвоприношения, ритуальные состязания. Охоте за человеческими головами или на животных, поискам потерянных вещей, некоторым религиозным праздникам, постройке нового дома обязательно предшествовало гадание по снам [2, с. 5; 3, с. 103; 4, с. 5; 5, с. 110; 6, с. 77]. Приступать к строительству можно было только в том случае, если приснится короткий бамбук. Если нет, постройку откладывали на следующий год. Перед началом работ обращались, если верить тексту молитвы, записанной Д. Райтом, к духу-покровителю дома или духу предков (у Д. Райта не ясно): «Отец! Будь с нами. Мы построим тебе дом. Старый ломаем. Будешь жить лучше прежнего». Затем следовало жертвоприношение. Жертвенное животное (свинью) клали головой на восток, убивали и ставили рядом сосуд с вином. По-видимому, островитяне верили в дурной глаз: в случае пожара обвиняли первого увиденного погорельцами человека.

С обрядом инициации были связаны выбивание зубов и охота за головами. У туземцев существовала вера в бессмертие души. Душа умершего, по представлениям пинпу, могла навещать его тело и опять удаляться. Души находились в раю или в аду. По словам Г. Кандидиуса, рай — место, где души «могли вести жизнь почетную и благодетельную» [27, с. 244]. Из записей Д. Райта очевидно, что христианская терминология Г. Кандидиуса неадекватна понятиям пинпу, которые считали раем место, где душа сможет «пить, есть, купаться, веселиться, иметь рядом хорошую женщину и доброго друга» [22, с. 19; 27, с. 244]. Ад — грязный ров, в котором души грешников «будут изрядно мучиться» [27, с. 244]. Над рвом положен узкий бамбуковый мостик, по которому только праведные души беспрепятственно попадут в рай. Если же на мостик ступит душа грешника, он непременно перевернется, и она опрокинется в ад [там же]. Только души «истинных праведников», которых меньшинство, попадают в рай. Большинство же человечества — грешники [там же]. Здесь опять-таки Г. Кандидиус трактует религиозные взгляды аборигенов в аспекте сложившихся у миссионера представлений о религии вообще. «Истинные праведники», в представлении пинпу, — «лучшие люди» племени. По свидетельству самого Г. Кандидиуса, такими почитали вождей, старейшин, служителей культа, наиболее искусных охотников за головами [27, с. 225—227, 248—249]. Подобные представления существуют и у некоторых других гаошаньских племен, в частности у атайял (тайер). Они считают, что души умерших должны пройти в рай к духам предков по мостику Хангоотофу (так же называется и радуга). Туда могут попасть

только самые храбрые охотники за головами или самые лучшие ткачихи. Остальные должны спуститься под мост, в грязный ад [24, с. 14—15].

На основании миссионерских отчетов можно также предположить существование политеизма у пинну. Д. Райт насчитал у них тринадцать божеств. Самое почетное место в пантеоне занимали Тамагисанчак — бог дождя и его супруга Такарупада — богиня грома. Они покровительствовали красоте и плодородию, олицетворяли мужское и женское начала мира. Туземцы, по утверждению Д. Райта, считали, что Тамагисанчак обитал на западной стороне неба, а по сообщению Г. Кандидиуса — на южной [22, с. 21; 27, с. 247]. Такарупада находилась на востоке. Если рано утром раздавался гром, это означало, что она ругает мужа за задержку дождя. Услыхав голос супруги, Тамагисанчак посылал дождь на землю. Мужчины больше почитали бога, а женщины, занимавшиеся в основном земледелием, — богиню².

Перед началом полевых работ этим богам приносили в жертву двух свиней, которых нарекали священными именами (Тамакуала и Тамавал), а также семена, полевые плоды, вино мазакхау. За нарушение установленных обрядов жертвоприношения божества могли покарать — наслать мор и засуху. Божествами — покровителями врачевания считались Тагеталлаг и Тагисикель, охоты — Теваракахулу и Тамакакамак, войны — Тапалят и Тававопли. Последних особенно почитали воины. Были у туземцев и божества — покровители праздников Такарые и Тамакадинг. Все эти божества составляли супружеские пары. Только дух зла «демон» Сарифей (у Д. Райта — Фарибхе, Фикариго, Гугофей) не имел жены.

Он родился человеком, жил в деревне Синьган (Синкан) и отличался вздорным характером и уродливой внешностью. Односельчане насмехались над его носом. Тогда Сарифей попросил защиты у богов, и они взяли юношу к себе и поселили его на северной половине неба. Оттуда он стал мстить людям, посылая им проклятия и болезни³. Однажды Сарифей спустился на землю и приказал людям соблюдать 27 табу [22, с. 26]. Все эти табу соблюдались только в «великий пост» — кариянг. Он бывал раз в году, когда солнце и луна занимали определенное положение по отношению друг к другу, и продолжался десять дней. Во время кариянга запрещались все строительные и сельскохозяйственные работы, изготовление оружия, охота, торговля, ношение одежды, браслетов (салахим унаре). Нельзя было вносить в дом рис, чай, посуду. Запрещались об-

---

² Немецкий путешественник А. Фишер утверждал, что он присутствовал на празднике «в честь богини плодородия Такарупады — Цереры дикарей» [31, с. 278].

³ Вероятно, он играл в туземной религии ту же роль, что и Ханито у Бунун или Анито в Малайзии [20, с. 183].

ряды инициации, ритуальный бег (трагадувел), свадьбы, танцы. Муж и жена не имели права вступать в супружеские отношения. Юноши не могли встречаться с девушками. Новорожденным не давали имен, младенцев не отрывали от груди матери. Маленьких детей нельзя было уносить далеко от дома. На месте проведения народного собрания (кано) не зажигали костра. Вновь избранные военачальники и старейшины поля⁴ не должны были приступать к своим обязанностям. До окончания кариянга туземцам, имевшим побратимов среди китайцев или европейцев, разрешалось принимать их не у себя дома, а у соседей [22, с. 26]. Наряду с табу, связанными с кариянгом, существовали также постоянные табу. К ним относились запрещения собирать моллюсков в определенное время года; искать потерянные вещи без предварительного гадания по пению птиц; рожать детей до тридцати пяти — тридцати семи лет⁵; в течение трех месяцев в году одеваться в какую бы то ни было одежду, носить шелковое платье; запрещались клятвопреступления, убийство близких, грабеж [27, с. 245].

Большую роль в религиозной жизни пинлу играли шаманки, выполнявшие и роль жриц (инибс). Они следили за соблюдением табу, руководили праздничными церемониями, возносили молитвы, занимались гаданием, камланием, знахарством, магией. От них отличались простые знахарки (тамамах), функции которых ограничивались врачеванием. Инибс пользовались исключительным вниманием в совете старейшин и народном собрании. Без них не обсуждалось и не принималось ни одного решения. Миссионеры, видевшие в инибс основную преграду для распространения христианства, обвиняли их в жестокости, разврате и т. п.⁶ Особенно возмущали Г. Кандидиуса меры, принимаемые инибс совместно со старейшинами против нарушений табу. Так, за ношение одежды в неположенное время с нарушителей взимали штраф — две оленьи шкуры, а одежду отбирали или уничтожали [27, с. 228]. Женщинам, забеременевшим до тридцати пяти — тридцати семи лет, инибс якобы выдавливали плод ногами. «Я видел таких, — пишет Г. Кандидиус, — которые пятнадцать-шестнадцать раз губили свой плод и только на семнадцатый раз имели право родить ребенка» [22, с. 237]. Г. Кандидиус рассказывает о сценах камлания, свидетелем которых он был. Инибс впадали в состояние экстаза и доходили до каталепсии. Если камлание было связано с молением о дожде, оно сопровождалось ритуальным мочеиспусканием [27, с. 248].

О знахарстве подробнее сообщает Д. Райт. В случае забо-

⁴ Их функции в источниках точно не обозначены.

⁵ Г. Кандидиус пишет об этом в отчете и письме к губернатору Тайваня [18, с. 93—95]. Однако другими источниками эти сведения не подтверждаются.

⁶ Миссионер Р. Юниус даже вызывал против них войска [8, с. 116].

лечения сразу же обращались к знахарке. Прежде чем идти к больному, она приносила в жертву божествам врачевания Тагеталлаг и Тагисикель сосуды с вином. Лечение осуществлялось с помощью трав и массажа. Больному разрешалось есть все. Если ему все же не становилось лучше, вызывали инибс. После соответствующего жертвоприношения она беседовала с духом своего пациента и вместе со знахаркой произносила заклинания, обращаясь к божествам с просьбой ниспослать больному либо быстрое выздоровление, либо легкую смерть. Исход заболевания шаманка определяла, потянув больного за пальцы: хруст пальцев означал, что он будет жить, а отсутствие хруста — что он умрет. Чтобы удостовериться в точности прогноза, инибс прикрывала рот больного сорванным с дерева листом и, набрав в рот воды, с силой выпускала ее на лист. Если лист переворачивался, инибс считала, что человек выздоровеет; если прилипал ко рту — всякое лечение почиталось бесполезным. В том случае, когда благоприятное предсказание не оправдывалось и больному становилось хуже, следовало изгнать злого духа из его дома. На этот раз инибс просила божеств дать ей силы и твердость для борьбы со злым духом. Взяв с собой горшок с вином, саблю — париянг, пучок соломы и несколько волосков человека, она в сопровождении самого храброго воина отправлялась изгонять злого духа из дома. Шаманка и воин, громко крича и топая, размахивая париянгами и разбрасывая солому, «загоняли» злого духа в реку или кустарник. Отпив затем вина, инибс бросала горшок с недопитым вином как бы вслед злому духу, приговаривая: «Возьми вино и выпей. Никогда не приходи в дом, потому что тебя изгнали». Возвратившись в дом больного, шаманка показывала своему пациенту и его родственникам будто бы вырванные из головы демона волоски. Если же и это не давало результатов, инибс совершали повторное изгнание дьявола. Дальнейшее ухудшение состояния здоровья пациента означало, что злой дух свил себе гнездо в его жилище. В этом случае ему вливали в рот вино, захлебнувшись которым больной умирал [22, с. 245]. Г. Кандидиус сообщал также, что больному надевали на шею петлю и несколько раз поднимали его вверх, чтобы «облегчить страдания». Лечение бесплатным не было. За труды шаманка получала вознаграждение, даже в том случае, если пациент умирал. Если больной выздоравливал, он отправлялся к «пагоде» принести жертву Тагеталлаг и Тагисикель и произносил благодарственную молитву: «Примите это в благодарность из моих рук. Много добра вы сделали, чтобы жизнь мою продлить». По дороге туда и обратно надо было избегать встреч с калеками и слепыми, а увидев кого-нибудь из них, вернуться обратно. Запрещалось сразу после выздоровления посещать народное собрание. Подобные картины шаманизма наблюдаются у некоторых гаошаньских племен по сей день, что лишний

раз указывает на общность религиозных обрядов и обычаев различных племен аборигенов [20, с. 149; 28, с. 284].

Д. Райт упоминает о семи крупных праздниках у аборигенов Тайваня. Большинство праздников было связано с земледельческим культом и характеризовалось массовыми ритуальными возлияниями и сакральными оргиями. Первый праздник, Тупаупыйлахканг, отмечался в конце апреля на берегу озера, куда собирались «стар и млад». Церемония начиналась с жертвоприношения и молитвы о богатом урожае и хорошей погоде. Затем происходило массовое возлияние и ритуальное метание копий. Мужчины, держа сосуд с вином в одной руке, обмакивали концы копий в вино и метали копья в цель. Потом мужчины собирались вместе, шутили, смеялись, рассказывали друг другу о боевых подвигах и любовных приключениях, а также спорили о том, кто из них лучший охотник и сборщик урожая [22, с. 20].

В июне праздновали Выборланг Варлоо. Готовясь к празднику, островитяне обращали особое внимание на толкование своих снов и криков птиц. В начале праздника «освящались» сельскохозяйственные орудия и оружие⁷. Украсив цветами и ветками свои одежды, корзины, дома и мосты, пинпу обращались к Тамагисанчаку и Такарупаде с просьбой о защите их жилья от ненастья, пожаров, ядовитых змей и опасных животных. Мужчины просили богов войны Тапалят и Тававопли заострить им оружие, дать силу и смутить души противников. После этого инибс произносила перед собравшимися следующую проповедь: «Сын мой, выпивай все полностью, раздевайся донага, чтобы никакой одежды не было на теле. Пей до утра! Иди от дома к дому и пей! Иди к девке, к сестре, к дочери, все равно к кому. Используй все, что на праздник подвернется!»⁸.

Происходивший в июне Сикарьярьянг Д. Райт квалифицирует «как праздник Бахуса и Венеры, отличавшийся противоположными грехами». После беседы с богами и принесения жертв в своем доме мужчины и женщины, прикрытые только набедренными повязками, собирались на жертвенную площадь. Инибс приносила жертвы богам, и начиналась всеобщая молитва. Как и во время предыдущего праздника, мужчины просили богов о защите от врага, а женщины — о сохранении плодов на полях. В тот же день юноши «испытывали оружие» [22, с. 21]. Сикарьярьянг сопровождался массовым весельем и торжественным возлиянием.

Сентябрьский праздник Лингоут посвящался защите урожая от бурь и непогоды, которая часто бывает в это время. Абсолютно нагие мужчины и женщины собирались у устья впада-

⁷ Вероятно, выполнялись магические церемонии.

⁸ Текст молитвы другими источниками не подтверждается.

ющей в море реки и молились «серьезно и ответственно». Потом происходили ритуальные состязания. Украшенные венками из полевых цветов и растений, юноши бежали наперегонки к реке⁹. Победителя девушки переносили через реку на руках. Самая красивая девушка доставалась лучшему бегуну. «Многие упражняются перед праздником в этой игре, чтобы получить красавицу» [22, с. 21].

На октябрь падают сразу два праздника — Пинанг и Итаунганг. Во время Пинанга пожилые мужчины, украшенные черепаховыми панцирями¹⁰, «ходили ночью по селению, беседуя друг с другом», юноши сопровождали их. На жертвенной площади участники праздника согласно правилам ритуала должны были состязаться в беге. Празднование проходило «без каких бы то ни было грехов», — отмечает Д. Райт [22, с. 21]. Итаунганг продолжался два дня, и отмечали его только мужчины. В первый день совершалась церемония в честь божеств. Д. Райт следующим образом описывает ритуал: «Одетые в особую одежду, с плотно сжатыми ногами, они прыгали наперегонки» [22, с. 21]. На другой день, сняв и сложив панцири, они собирались на жертвенной площади, где устраивались сакральные оргии [22, с. 21]. О праздновавшемся в ноябре Караулаутханге известно очень мало. В этот день военачальники и старейшины украшали головы перьями. Праздник, по словам Д. Райта, «сопровождался самыми постыдными излишествами» [22, с. 21].

Подобные праздники отмечали у аборигенов Тайваня А. Фишер, Д. Шредер, Дин Шао-и [11, с. 14а—16а; 28, с. 282; 31, с. 278]. Однако они упоминают о трех, а не о семи праздниках¹¹ [28, с. 282; 31, с. 278]. О ритуальных обрядах, связанных с рождением ребенка, миссионеры не пишут. Большое внимание аборигены уделяли погребальным обрядам.

Погребальный обряд у жителей Южного Тайваня заключался в мумификации копчением с последующим захоронением. Судя по рассказам миссионеров, виновником смерти туземцы считали злого духа. Его изгоняли при помощи шума, топота, хлопанья в ладоши, ударов каменных колотушек («кастаньет»). Похоронная церемония совершалась с участием специальных танцовщиц (самагдадахдакен) и плакальщиц, исполнявших плачи и заупокойные песни (тейкулидид). Д. Райт рисует следующую картину: «Как только дух отлетит от тела, то все вокруг кричат: „Он мертв!“. Хлопают руками, топают ногами, создавая ужасный шум. Бьют по полому дереву, ибо колокольчиков у них нет» [22, с. 19]. Обмыв покойника водой, родичи одевали его в лучшую одежду, поставив рядом с трупом рис,

⁹ Аборигены любили украшать себя цветами и ветками даже в будни [11, с. 145—15а].

¹⁰ О ношении черепаховых панцирей писал также иезуит Ф. А. Семедо [29, с. 10—11].

¹¹ Китайские источники о количестве праздников не сообщают.

вино, заколотую свинью, «дабы мертвец это пожертвовал богам», и большой сосуд с водой, чтобы душа могла пить. Вокруг тела умершего, которое в течение двух дней стояло или лежало, устанавливали бамбуковые шесты с флажками. Если умирал молодой человек, у изголовья ставили копьё с нарезками, число которых соответствовало количеству добытых им голов.

Каждый вечер друзья покойного приносили сосуды с вином и пили, приговаривая: «Это для души». «Самые близкие из друзей,— пишет Д. Райт,— ложатся на обнаженное тело и поднимают тоскливый крик, причитая: „Зачем ты умер?! Зачем ты нас покинул?! О наш сын! Наше дорогое дитя! Вернись к нам снова и оставайся у нас! Если ты не можешь этого сделать, возьми нас к себе! Мы рады умереть вместе с тобой! Что нам делать без себя? Что нам делать?“». Для увеличения впечатления горя женщины страшно шумят, стоя на перевернутых корытах, и все окружающие кричат: «Слушайте, о деревья, о потеря лучшего человека!». Г. Кандидиус также сообщает, что женщины приносят сосуды с вином к дому умершего и танцуют перед его домом, на перевернутых корытах, стоя спиной друг ко другу, по четыре-пять в ряд, сменяясь каждые два часа: «Они не прыгают, не трясутся, не перемещаются. Двигают руками и немного ногами, но делают это очень легко». Одновременно плакальщицы, сидя вокруг мертвеца, исполняли плачи и заубойные песни, в которых «просили у божеств дать душе умершего хорошее место, славную женщину, честного друга. В это время юноши с каменными кастаньетами в руках бегали вокруг дома умершего, создавая страшный шум» [22, с. 20].

Через три дня после смерти человека его труп обмывали вином или теплой водой и готовили к мумификации копчением на специальном помосте (таках). Тело обрабатывали париянтами «так, что летят куски кожи», а затем разводили под ним слабый огонь. Через восемь-десять дней подготовленную таким образом мумию обертывали циновкой или материей и поднимали на высокий помост. После этого устраивались повторные поминки.

Об окончательном захоронении миссионеры дают различные сведения. Вероятно, существовало несколько видов этого обряда. Г. Кандидиус сообщает о двух способах окончательного захоронения: первый, когда мумию уносили в лес и помещали в специальный, украшенный по углам зеленью и ленточками маленький домик. Туда ставили сосуд с водой и длинную бамбуковую трубку, чтобы отлетевшая от тела душа, когда ей захочется навесить тело, могла бы испить и искупаться. Второй способ: мумию человека закапывали в его собственном доме. В этом случае поминки устраивали трижды [22, с. 20]. Д. Райт утверждает, что останки окончательно захоранивали возле храма (возможно, культового дома). Ближайший друг покойного девять или десять дней охранял могилу и никого близко не

подпускал к ней, ибо туземцы считали, что рядом с мертвецом спит злой дух. В это время вдова ежедневно молилась. Раздевшись донага, она обращалась к богам с просьбой соединить ее с супругом. Затем следовало изгнание дьявола: друзья покойного с зажженными факелами и каменными «кастаньетами» шумели и кричали, чтобы нечистая сила исчезла. После изгнания дьявола вдова убирала жилище. Став лицом к югу, она произносила следующие слова: «Чей это дом?! Кому он нужен?! Он не принадлежит ни мне, ни нам. Что мы должны с ним делать?!» — и бросала метлу [22, с. 20].

Другие источники не сообщают о мумификации огнем у пинпу или у других гаошаньских племен, хотя в остальном похоронные обряды аборигенов Тайваня во многом совпадают с теми, о которых писали миссионеры [11, с. 165; 21, с. 574; 23, с. 251; 28, с. 286—287]. Г. Кандидиус и Д. Райт не оставили никаких сведений о религии гаошаньцев, проживающих в горах Тайваня. Более поздние авторы восполнили этот пробел [2, с. 3; 4, с. 5, 6, 14, 17; 19, с. 20, 21, 23—25, 28, 31, 32]. На основании этих данных видно, что между горцами и жителями равнины не было глубоких различий в религиозных представлениях и ритуале. Следует отметить, что современные гаошаньцы сохранили многие элементы своей традиционной религии [14, с. 65—68; 20, с. 181—194; 28, с. 267—293].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А. Ф. Исторические особенности первобытного мышления. Л., 1971.
2. Кюнер Н. В. Горные племена Формозы (вторая редакция).— Архив ИВАН, ф. 91, оп. 2.
3. Кюнер Н. В. Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял).— СЭ. 1973, № 2—3.
4. Кюнер Н. В. Народы острова Тайвань.— Архив ЛОИЭ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 90.
5. Мольтрехт А. Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы.— ИРГО. Т. II. СПб., 1916.
6. Невский В. А. Материалы по говорам языка цоу. М.—Л., 1935.
7. Трисман В. Г. Представление о душе у тораджей Центрального Сулавеси.— «IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии (тезисы)». Л., 1972.
8. Чигринский М. Ф. Из исторической географии и этнографии Тайваня.— Страны и народы Востока. Вып. XIII. Кн. 2. М., 1972.
9. Ван Юй-дэ. Тайван. Токио, 1971 (на яп. яз.).
10. Гуцзинь тушу цзичэн (Собрание древних и современных картин и книг). Т. 147. Цз. 1109. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
11. Дин Шао-и. Дунинчжилюе (Краткое описание Тайваня). Цз. 6. Фу-чжоу, 1875 (на кит. яз.).
12. Ма Дуань-линь. Вэньсянь тункао (Древние тексты и их исследование). Т. II. Цз. 326. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
13. Суйшу (История династии Суй). Т. 68. Цз. 81. Шанхай, 1936 (на кит. яз.).

14. Тайван такасагодзоку кэйто сёдзоку но кэнкю (Изучение генеалогии аборигенов Тайваня). Т. I. Тайхоку, 1935 (на яп. яз.).
15. Хуандинчжигунту (Альбом данников династии Цин). Т. 2. Цз. 3. [Б. м.], 1751.
16. Ши Мин. Тайвань дзин ёнхаку нэнси (История тайваньцев на протяжении 400 лет). Токю, 1962 (на яп. яз.).
17. J. M. Alvarez. The Aboriginal Inhabitants of Formosa.—«Anthropos». Т. XXII, f. 1, 2. Salzburg, 1927, с. 248—258.
18. Campbell R. W. Formosa under the Dutch. L., 1903.
19. Chio-min Hsieh. Taiwan-ilha Formosa. L., 1964.
20. Coe M. D. Shamanism in the Bunun Tribe, Central Formosa.—«Ethnos». 1955, vol. 20, № 4, с. 181—194.
21. Davidson J. W. The Island Formosa. Past and Present, London and New York, 1903.
22. Gedenkwürdige Verrichtung der Niederländischen Ost-Indischen Gesellschaft in dem Kaiserreich Taising oder Sina, durch ihre zweyte Gesandschaft an den Unter-König Singlamong und Feldherren Taising-Lipoui. Ausgeföhret durch Joan van Kampen und Constantin Nobel; Wobei alles dasjenige was auf dem Sinisehen Seestrande und bey Tajowan, Formosa, Aimuy und Quemuy, unter dem Beschlaber Balthasar Bort, im 1662 und folgenden Jahre vorgefaller, erzählt wird, Als auch die dritte Gesandschaft an Konchi, Sinischen und Ost-Tartarischen Kaiser, verrichtet durch Pieter van Hoorn. Hierbey ist gefüget eine ausführliche Beschreibung des gantzen Sinischen Reichs; und ist durchgehendes das gantze Werk mit viel schönen Kupferstucken gezieret. Amsterdam, 1676.
23. Imbault-Huart C. L'île Formose. P., 1898.
24. Ischii Siinji. The Island Formosa and its primitive inhabitants. L., 1916.
25. Mackey G. L. From far Formosa. Edinburg — London, 1900.
26. Naouchi Kokubu. The Prehistoric Southern Islands and East China Sea Areas.—«Asian Perspectives». Hong-Kong, 1964, vol. VII, № 1—2, с. 224—230.
27. Relation de L'etat de l'iles Formose, Ecrite par George Candidius, Ministre du S'Evangile, envoyé dans cette, Ilse pour la propagation de la Foi Chrétienne.—Recueil de voyages. T. IX. Rouen, 1725.
28. Schröder D. Die Puyma von Katipol (Taiwan) und ihre Religion. Ein Kurbericht aus dem Felde.—«Anthropos», 1966, vol. 61, № 1—2, с. 267—293.
29. Semedo F. A. The History of That Great and Renowned Monarchy of China. L., 1655.
30. Stopel K. Th. Eine Reise in das Innere der Insel Formosa. Buenos-Aires, 1905.
31. Fischer A. Streifzüge durch Formosa. B., 1900.
32. Formosa.—«Chinese Repository». Vol. 11. [Б. м.], 1834, с. 408—420.
33. Valentyн F. Beschryvinge van Tayouan of Formosa.—«Zaaken van den Godsienst op het Eyland Java. Als ook een Beschryving van het Nederlandsch Comptoir in Suratte, En van de levens der Groote Mogols, Mitsgaders een Verhaal der Zaaken van China. Nevenseen Beschryving van't Eyland Formosa ofte Tayouan, en de zaaken dar toe behoorende; Waar achter gevoegt zyn des Schryvers Uyt en t'Huys-Reyzen». Deel. IV, S. II. Dodrecht — Amsterdam, 1726.